

НИНА ЛЮККЕ

ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ ПРИЧИНАМ

ВРАЧЕБНЫЙ РОМАН
ПРОДАНО БОЛЕЕ
100 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Нина Люкке
По естественным причинам.
Врачебный роман
Серия «Проза жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66362940

По естественным причинам. Врачебный роман / Люкке Нина; [перевод с норвежского А.В. Мариловцевой]: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-127124-4

Аннотация

Врач общей практики Элин переживает разлад со своим мужем Акселем и решает на время переехать жить к себе на работу, в клинику, куда каждый день к ней обращаются толпы пациентов с самыми разными недугами. 20 лет она была обычным терапевтом и столько же замужем. Но внезапно объявляется ее бывшая любовь – Бьерн, и путает все карты...

Содержание

1	6
2	18
3	28
4	37
5	45
6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Люкке Нина

По естественным причинам.

Врачебный роман

Посвящается Элле и Альбе

*За фасадом нашего благопристойного
повседневного существования прятался
невоспитанный, проказливый чертенок, которого
мы старались не замечать, неукротимая энергия,
воспламеняющая плоть, регулярно побеждающая
благонаравие даже в самых благонаравных созданиях.
Доменико Старноне «Шутка»*

Nina Lykke

FULL SPREDNING (NATURAL CAUSES)

Перевод был осуществлен при финансовой поддержке
фонда Norla

Впервые опубликовано норвежским издательством
Forlaget Oktober, 2019 г. Печатается с разрешения литера-
турных агентств Oslo Literary Agency, Banke, Goumen and
Smirnova Literary Agency.

© Nina Lykke, 2019

© А.В. Мариловцева, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1

Никому не известно о тайных помыслах общества больше, чем врачу общей практики. Все это я встречала не раз. Жизнь без глютена, без лактозы, без сахара – бесчисленные заголовки в газетах и Интернете заставляют вполне здоровых людей верить, что, если они не будут есть хлеб или сыр, все станет на свои места. Люди среднего возраста не понимают, почему они постоянно чувствуют усталость. Все от того, говорю я им, что вы начинаете стареть, но они думают, что старение их не касается, как не касается и смерть. Словно для них будет сделано исключение. Они считают, что тело само собой должно функционировать без сбоев, и удивляются, когда сбой вдруг происходит: они не могут испражниться, уснуть или заставить мышцы работать должным образом. «Но ведь сорок семь – это еще не старость», – говорит сорокасемилетний пациент. «И все же, – отвечаю я, – сорок семь – достаточный возраст, чтобы вы уже не ощущали себя как прежде». Но их это не устраивает. Они хотят, чтобы все было как раньше. И вот они покупают в Интернете какой-то особый сок или зеленый порошок или же требуют, чтобы у них нашли какую-то необычную аллергию или пищевую непереносимость, и тогда у них все будет по-прежнему, ведь стоит только начать пить сок, принимать порошок, исключить из диеты злосчастный продукт или держаться подальше от жи-

ВОТНЫХ.

Они не желают меня слушать, когда я говорю, что им нужно успокоиться, радоваться жизни, питаться разнообразно и больше двигаться. Да, именно в таком порядке. Мне надоело произносить все это из раза в раз, а им надоело мне внимать, но, как ни крути, это правда, и она малоинтересна.

Утро пятницы, на часах без пяти восемь. Я сижу за письменным столом в своем кабинете в клинике, на третьем этаже старого дома на Солли-плас. Через пять минут начнется. Зови врага, как говорит мой коллега. Даже спустя столько лет я совершенно не понимаю, почему люди, находящиеся за дверью, хотят ко мне прорваться. Они специально отпросились с работы, чтобы прийти сюда, но зачем? В голове пусто и тихо. На столе разложены какие-то бумаги, стоит монитор компьютера, рядом лежит стетоскоп, поодаль – какая-то большая машина на колесах, но что это, к чему все эти вещи и что вообще здесь происходит, чего ждать? Зачем я здесь? Справа окно, за спиной книжная полка с журналами и книгами, на стене напротив – плакаты с изображениями человеческих тел. Похоже на кабинет врача, но где же врач, ведь здесь, кроме меня, никого нет. Куда подевались взрослые, как я здесь очутилась? Должно быть, это недоразумение. А что, если я возьму и уйду? Притворюсь, что мне нужно в туалет, проскользну мимо ждущих в коридоре и просто исчезну.

Но вдруг появляется резкость, мир возвращается в фокус, я пересекаю кабинет, открываю дверь и вызываю первого пациента, ну, разумеется, я не могу не сделать этого, ведь я снова в потоке. И вот я уже натягиваю перчатку, наношу на пальцы смазку. На кушетке на боку лежит мужчина, штаны спущены до колен, белые ягодицы оголены, и, когда я их раздвигаю, я вижу и чувствую, что он толком не вытерся, да что там говорить, он вообще не вытирался после последнего похода в туалет, хотя прекрасно знал, что идет к врачу с жалобой на геморрой и зуд в заднем проходе. Я с профессиональной отстраненностью ощупываю геморроидальные узлы и осторожно ввожу в анальное отверстие один палец и пальпирую задний проход и простату, затем вынимаю палец, выбрасываю печатки, подхожу к раковине и тщательно, словно хирург в операционной, мою руки, и в довершение ко всему протираю их антибактериальным раствором.

– Надеюсь, вы не против, если я открою окно, – говорю я. – Нужно проветрить.

Тем временем он успел одеться и теперь сидит напротив меня – обычный, среднестатистический гражданин, чьи кроваво-красные геморроидальные узлы и невымытый анус надежно спрятаны под черными брюками со стрелками.

– Прошу меня извинить. Уже некоторое время я не осмеливаюсь тщательно вытираться, боюсь, что там все полопается.

– Все в порядке.

«А вот и не в порядке», – вдруг произносит Туре.

Туре – пластиковый скелет в натуральную величину, он стоит в углу между дверью и раковиной. Он – единственный свидетель происходящего в кабинете. Когда я его только купила, то шутки ради надела ему на голову черную мужскую шляпу. В то время меня занимали такие темы, как роль юмора в отношениях между врачом и пациентом и целительная сила смеха. Тогда казалось, что мы способны изменить мир вместе с норвежской системой здравоохранения, увидеть пациента во всей его целостности и так далее и тому подобное. Мы верили, что мы особенные, исключение из правил, и что нашему медицинскому центру суждено стать чем-то из ряда вон выходящим. Возможно, именно эта вера в собственную исключительность по-прежнему заставляет нас подниматься каждое утро.

«Да, не в порядке, – продолжает Туре, – вовсе не в порядке. Он мог бы смочить туалетную бумагу и осторожно вытереться. Да мало ли существует способов. Он мог бы купить влажные салфетки в киоске на углу и воспользоваться ими до прихода в кабинет. Но не сделал ни того, ни другого. А если ему не стыдно сунуть свою задницу, перемазанную свежими испражнениями, в лицо незнакомому человеку, на что еще он способен? Что еще скрывает этот мужчина?»

Я вещаю что-то о моционе, потреблении жидкости и клетчатки и, слушая собственный голос, стараюсь вытеснить из своего сознания шипение Туре и резкий запах, который

несколько минут назад наполнил кабинет и по-прежнему висит в воздухе.

Во время учебы я проходила практику в доме престарелых. Благодаря дополнительным сменам я быстро научилась фильтровать собственные ощущения и уже спустя неделю могла преспокойно сидеть в столовой и жевать бутерброд с колбасой, хотя еще пару минут назад отмывала от испражнений тела, стены и инвалидные коляски. Я возвела герметичные перегородки между «здесь» и «там», между «до» и «после» и, главное, между собой и пациентами.

Теперь же я не терплю ничего. Как будто с возрастом моя способность отделять вещи друг от друга стала неизбежно изнашиваться, и мне приходится прилагать огромные силы, чтобы достичь того, что еще пару лет назад получалось само собой.

Я машинально говорю, стараясь не обращать внимания на картинки, из ниоткуда появляющиеся на экране монитора. Произношу что-то о мази и суппозиториях, формирую рецепт на компьютере, но картинки продолжают маячить перед глазами, становятся все ужаснее, я вижу, как мои собственные зубы вгрызаются в геморроидальные узлы и в потолок бьет фонтан крови и экскрементов. Что стряслось? Раньше со мной такого не случалось. Мне доводилось видеть гораздо более неприятные вещи. Я вскрывала абсцессы, которые иной раз забрызгивали своим содержимым не только стоящих вокруг, но и потолок и стены. Я лечила раны, видела все

жидкости, которые только есть в человеческом теле, ощущала все запахи, которые способен производить человек, так что вряд ли меня может смутить чуть-чуть испражнений. Но мои защитные перегородки прохудились, и содержимое отсеков только и ждет, чтобы перелиться через край. Я должна взять себя в руки, иначе разразится скандал, который совершенно точно приведет к тому, что мне больше не позволят здесь находиться. Куда мне тогда деться, ведь этот кабинет и эта униформа – последнее, что у меня осталось.

«Успокойся, – говорит Туре. – К тому же скандал уже произошел».

«Да, но здесь, – отвечаю я, – в этих стенах еще ничего не случилось».

Геморройщик уходит. Я обновляю журнал приема и вызываю следующего пациента. Сидящий за дверью мужчина с хвостиком и в очках отрицательно мотнул головой. Я прохожу по коридору, заглядываю в зал ожидания, называю имя пациента, но и там никто не отрывается от телефона. Только я собираюсь вернуться в кабинет, хвостатый бросает на меня вызывающий взгляд, в котором читается: «Ну теперь-то я могу войти, раз предыдущий пациент не явился?» – «Нет не можете, – молча отвечаю я. – Сейчас у меня заслуженная пауза».

Случись это пару лет назад, я бы пригласила его в кабинет. Раньше мне нравилось опережать график, контролировать ситуацию, делать пациентам приятно. Но в какой-то мо-

мент я поняла: как бы быстро я ни работала и сколько бы пациентов я ни принимала, их становится все больше, они льются нескончаемым потоком, словно из открытого крана.

Я сажусь за письменный стол и смотрю в никуда. «Все в порядке, – думаю я, – нужно просто сохранять спокойствие, когда выдается минутка, нужно просто...» Но тут вибрирует телефон, и я вспоминаю, что он уже вибрировал, когда я пальпировала анус геморройщика. На экране куча непрочитанных сообщений. Многие из них от Бьёрна. «Как дела? Почему ты молчишь?» На эти сообщения я не отвечаю, как не отвечала и на вчерашние. Я переключаюсь между приложениями и вижу, что он, оказывается, писал даже ночью в разные мессенджеры в три-четыре часа утра. Это моя новая тактика: не отвечать ни на сообщения, ни на звонки. Так я решила вчера после обеда. Мои большие пальцы замерли над экраном: что мне написать? Кто этот человек, ждущий ответа на том конце? Зачем все это?

«Пускай подождет», – подумала я и положила телефон на полку. Ведь Бьёрн все равно никуда не денется.

Я не отвечала, и с каждым часом мне становилось все легче. И почему мне потребовалось добрых полвека, чтобы наконец осознать, что лучшее средство – бездействие? Одна эта мысль приводит меня в бешенство.

«Но ты уже не можешь просто так выйти из игры», – говорит Туре, ведь он хочет, чтобы я продолжала битву: с Аксе-

лем, который занял наш дом в Гренде ¹; с Бьёрном, который вернулся к своей жене во Фредрикстаде ²; с Гру, которая уже несколько раз общалась с Акселем, о чем она упомянула в нескольких сообщениях, на которые я тоже не ответила.

«Думаю, дела у него неважно, – написала она вчера в том же тоне, в котором обыкновенно обсуждала собственного бывшего мужа. – Ему очень нужно с кем-то поговорить». На протяжении миллионов лет женщины успешно применяют это логическое обоснование, чтобы оправдать что угодно: ему нужна я.

Могу себе представить, как Гру, моя бывшая соседка и собутыльница, томится одна на своей огромной вилле, а через дорогу сидит Аксель, такой же одинокий, в своем доме. Только теперь я отдаю себе отчет в том, что всякий раз, когда Аксель заходил на кухню, где мы с ней сидели, Гру расправляла плечи. Думаю, она делала это неосознанно, иначе она бы точно старалась это скрыть.

«И что ты собираешься с этим делать?» – спрашивает Туре.

Делать с чем?

«С тем, что, возможно, прямо сейчас Гру лежит рядом с Акселем в кровати, которую вы оплатили пополам и вместе

¹ Гренда (*норв.* Grenda) – жилой район в Осло. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² Фредрикстад (*норв.* Fredrikstad) – город в губернии Эстфолд, на юго-востоке Норвегии.

затаскивали на второй этаж».

Я не знаю. У меня напрочь отсутствует соревновательный инстинкт. Если бы начался массовый голод, я бы погибла в числе первых.

«Ты должна что-то предпринять, прежде чем будет слишком поздно».

Что тут поделаешь? Мне остается идти своей дорогой. Если начать что-то предпринимать сейчас, станет только хуже. Я создам трение, которое только воспламенит отношения между ними.

«Погоди, ты дождешься. Вот они сидят по домам, покинутые своими супругами. Лучше не придумаешь. Как говорится, стол накрыт. Поверь, общество будет аплодировать им с тем же рвением, с каким обычно осуждает любые темные делишки, связанные с контрактами и недвижимостью».

Подумаешь.

«А как же Бьёрн?» – продолжает Туре, явно недовольным тем, что я не реагирую.

Бьёрн во Фредрикстаде, вернулся к Линде, своей повелительнице. Что свидетельствует о наивысшей степени зависимости. Самая сильная из всех зависимостей – тяга к подчинению, тяга к узам. После окончания Гражданской войны в Америке многие рабы отказывались покидать плантации, и в этом нет ничего удивительного. Зато удивительно то, что многие из них ступили на новый путь, ведущий в полную неизвестность.

Сообщения от Акселя: «Мне тошно смотреть на твою одежду в шкафу». Судя по всему, Аксель тоже встал рано. Приятно смотреть, как с каждым посланием он закипает все больше. «Мне тошно видеть твои вещи в доме. Я сложил их в мусорные пакеты и вынес в гараж. Можешь забрать их, когда хочешь, только не заходи в дом».

«Дом теперь его», – думаю я, но, как ни странно, эта мысль меня совершенно не тревожит. Сколько лет я ухаживала за этим домом, мыла его и ремонтировала, расширяла подвал и надстраивала чердак, а потом взяла и отдала его Акселю. Разумеется, при условии, что он полностью перейдет девочкам и что Аксель не может заложить ни единого гвоздя в доме без разрешения дочерей. И тем не менее.

Стоит человеку достаточно долго сохранять спокойствие и пассивность, все начинает происходить само собой. Вот и очередное сообщение от Акселя, хотя он, скорее всего, тоже сейчас на работе. словно червь, выползающий из-под земли на свет, вдруг показывается затаившаяся угроза: «Вчера звонила Ида и спрашивала, поедем ли мы летом на Валер³».

В переводе на человеческий язык это означает: «Мы должны поговорить с девочками, рассказать им о том, что произошло. Если ты не возьмешь инициативу в свои руки, это сделаю я. И тогда они услышат мою версию первой».

Я по-прежнему не отвечаю. Давай, Аксель, не тяни, рассказывай свою версию. Как ни крути, виновна все равно я.

³ Валер (*норв.* Hvaler) – архипелаг на юго-востоке Норвегии.

Тут вступает Туре:

«Рано или поздно тебе придется отвечать, говорить, действовать. А когда придет твой черед рассказывать о случившемся, какова будет твоя версия? Окончательная версия?»

Туре продолжает трещать в своей фирменной манере, предлагая одну подсказку за другой:

«Ты скажешь, что завела любовника, потому что Аксель тебя не замечал? Что ты изменила ему, потому что Аксель помешался на беговых лыжах? Или что ты ввязалась в отношения с Бьёрном, потому что видела в его взгляде отражение себя двадцатидвухлетней? Потому что боишься смерти, потому что нам дана лишь одна жизнь, и стоит ли ее тратить на...»

А ну, цыц.

«Или потому, что тебя просто все достало. Многим знакомо это чувство, однако ты считаешь, что у тебя особый случай. Я ничего не забыл?»

Я молчу, и Туре продолжает:

«Вам с Акселем было хорошо вместе, не так ли? Помнишь тот летний день, когда дети играли в саду и бегали по кварталу, а вы убрали на кухне, было тепло, на тебе лишь короткое платье, ты сняла белье и села на кухонный стол, одного вида твоих загорелых бедер для Акселя было тогда достаточно, и спустя мгновение он уже был в тебе. Вы стояли посреди кухни, за дверью были дети, соседи, кто угодно мог зайти в любой момент, а если кто-то бы и застукал вас на

горячем, это лишь сделало бы вас еще более привлекательными в их глазах, ведь можно только позавидовать молодой паре, занимающейся сексом, стоя посреди кухни, пока дети играют на улице. Вы бросили немытую посуду и отправились в спальню, чтобы проделать это снова. Вспомни себя в своей прошлой жизни, когда ты все воспринимала как должное. Разве тогда ты была недовольна?»

Да, я была довольна. Но я ничего не воспринимала как должное, совсем наоборот. Как бы там ни было, я уже не удивляюсь тому, как оказалась здесь, зато не могу понять, как могла терпеть жизнь в Гренде так долго. Все, чего я когда-либо боялась, уже произошло, но я уверена: каждый вечер раскладывать кресло из Икеи в своем кабинете – единственно верный выбор для меня. Словно я всю жизнь шла именно к этому.

2

В первую ночь в моей новой системе координат я не могла уснуть. Я лежала на медицинской кушетке и слушала, как по Солли-пласс ходят трамваи. Последний трамвай прогремел примерно в половине второго ночи.

На следующий день, после работы, я села в автобус до Икеи. Там я купила раскладное кресло-кровать и большое мусорное ведро, в котором теперь прячу простыню, одеяло и подушку.

На третий вечер я поняла, что мне срочно нужно с кем-то поговорить – с кем угодно и о чем угодно. Пришла уборщица, и я решила пообщаться с ней. Начала расспрашивать ее о жизни, поинтересовалась, есть ли у нее дети. Я пила кофе, стоя, а она убирала и отвечала на мои вопросы: «Yes. Her name is Maria. She is five years old. She is living with her parents in Poland. Of course I miss her»⁴.

«Не приставай к ней», – сказал Туре. В тот день я впервые услышала его голос. Меня это несколько не удивило, ведь к тому моменту уже столько всего произошло. Что может быть естественнее, чем разговаривать со старым пластиковым скелетом, стоящим в углу? И я ответила ему, мысленно, разумеется, словно он был живым человеком: «Но мне

⁴ Да, ее зовут Мария. Ей пять лет. Она живет с бабушкой и дедушкой в Польше. Конечно, я скучаю по ней (англ.).

любопытно, как живут эти поляки. Каково им, зачастую образованным людям, оказаться в Норвегии на самом дне – в качестве уборщиков, грузчиков, маляров, циклевщиков?»

«Мало того что ей приходится убирать твой кабинет, так ты еще и донимаешь ее расспросами».

Но она ведь отвечает.

«Она не смеет тебя проигнорировать. Она ведь уборщица».

И все же я заговорила с ней из добрых побуждений, тем более что мне надоело рассматривать под микроскопом саму себя. Если заниматься этим достаточно долго, вскоре ничего не остается. За одним слоем всегда кроется еще один, затем еще один, и так до бесконечности. Я живу здесь уже почти три недели. Раскладное кресло жесткое и неудобное, и каждую ночь я несколько раз просыпаюсь. Но позволяю себе вставать, самое раннее, в начале пятого, поскольку четыре часа – это еще ночь, а пять – уже утро. Если на часах четверть пятого, я заставляю себя дожидаться, пока стрелки не покажут двадцать минут, ведь тогда до половины пятого остается всего десять минут. И вот наконец я разрешаю себе подняться, надеть униформу и прошмыгнуть в туалет в конце коридора. Случалось в этот ранний час сталкиваться с коллегами, так что мне приходилось притворяться, будто я тоже только что пришла, всего на пару минут раньше, чем они сами. Без каких-либо объяснений и отговорок. Нужно всего-то посмотреть друг на друга с усталым видом: мы, врачи общей

практики, вынуждены работать сутки напролет!

– Вы нарушаете гармонию, – сказал мне как-то один врач. – Вечно вы здесь. Вы что, здесь поселились?

– Да, – отозвалась я как ни в чем не бывало. – Нам всем следовало бы смириться с действительностью и переехать сюда – чем раньше, тем лучше.

Мы посмеялись. Хе-хе.

Если вам есть что скрывать, лучше держаться истины. Сказать правду, а там будь что будет. Но ничего не произошло. Коллега просто кивнул и пошел дальше.

Случалось, что я мочилась в раковину в кабинете. Потом убирала постель и складывала кровать, и в углу кабинета снова появлялось обычное кресло. Пила воду, чистила зубы, открывала окно, чтобы выветрить запах, свидетельствующий о том, что здесь кто-то спал, затем тихонько шла в столовую за кофе. Не включала кофемашину, во всяком случае не каждый раз, а грела чайник, чтобы сделать растворимый кофе, черный. Раньше я пила кофе с молоком, но с некоторых пор решила, что молоко, как и мягкая кровать, – недопустимая роскошь. К тому же теперь я могу об этом не думать.

В столовой риск встретиться с кем-то выше, поскольку мы делим ее с медицинским центром, находящимся этажом ниже. Однажды я встретила у прилавка психиатра, специалиста по пищевым расстройствам.

– Вы прекрасно выглядите, – сказала она. – Вы сбросили

вес?

– Возможно.

– Не поделитесь секретом успеха?

– Два пальца в горло после каждого приема пищи, – ответила я, и мы засмеялись.

«Юмор – это важно, – подумала я на обратном пути в кабинет. – Важно смеяться. Всякий раз, когда мы смеемся, происходит выброс...»

«Заткнись, – сказал Туре, когда я вошла в кабинет, – просто заткнись».

Каждое утро с пяти до восьми часов я пью кофе и занимаюсь бумажной работой. Просматриваю результаты анализов крови, эпикризы болезни и выписки из больниц. Я так устала, что голова моя клонится к клавиатуре, и все же это лучшее время дня. На Солли-пlass останавливается первый трамвай. Я пишу заключения для управления социальными пособиями и выплатами страховых компаний и заполняю всевозможные формы, которые становятся все более подробными и хитроумными день ото дня, под приглушенные звуки радио NRK⁵. Нервная система не терпит эмоций в столь ранний час, да и в течение всего дня, если на то пошло, – ничего шокирующего, никакой рекламы, никакой слишком старой или слишком новой музыки. Только отфильтрованный, авторизованный, финансируемый государ-

СТВОМ ПОТОК ЗВУКОВ.

«Все в порядке, – ненавязчиво сообщает нам радиоприемник, – все в порядке».

Раньше, завершив сложную консультацию, я всегда обращалась к Акселю, лично или в сообщении: «Как ты думаешь, все будет в порядке?» И даже если он стоял у операционного стола, он всегда отвечал: «Конечно, все будет в порядке».

Теперь я уже не могу задать ему этот вопрос. Если бы мне пришлось в голову отправить ему такое сообщение, при нынешних обстоятельствах он бы воспринял это как объявление войны. Как будто я вовсе не отказалась от права быть уверенной в том, что все в порядке.

Мне то и дело хочется написать Акселю сообщение, рассказать ему что угодно: какую-нибудь новость о пациенте, о котором я говорила раньше, которая, я знаю, могла бы его заинтересовать. Я беру телефон и тут же вспоминаю, что уже не имею такой возможности, и в голове тревожно звенит: «Что ты наделала? Что ты наделала?» Я осматриваюсь, ищу помощи, пытаюсь собрать мысли в воспоминания, реплики и события, сумма которых могла бы подтвердить, что это должно было случиться неизбежно. Как я говорила моим пациентам, супружеской паре, потерявшей сына по причине не обнаруженного вовремя порока сердца: это должно было произойти неизбежно. В их случае это правда, в моем – нет.

Первые несколько дней я просыпалась от удушья, и мне приходилось некоторое время лежать в позе эмбриона, что-

бы восстановить дыхание. Всякий раз я думала: ну все, это конец. На третий или четвертый день я позвонила Акселю и сказала, что он может забрать мою долю дома. То есть я написала ему сообщение, чтобы отрезать себе путь назад. Если на следующее утро снова случился бы приступ, я могла бы сразу успокоить себя: я отдала ему свою половину дома. С тех пор, как я переехала в клинику, Аксель не звонил и не отвечал на мои звонки, однако на этот раз он перезвонил мгновенно. Позже, в тот же день, мы сидели за кухонным столом в нашем доме в Гренде, и выражение его лица говорило о том, что он осознал, что теперь будет единоличным владельцем и что страдания того стоили. Адвокат прислал нам новый контракт, мы подписали его, но ничего не изменилось. И с чего бы чему-то меняться. По крайней мере, ради девочек будет сохранен их отчий дом. Один из аргументов Акселя состоял в том, что он был не в состоянии выкупить мою долю. Об этом он сразу же сказал. Снова его извечная озабоченность деньгами и недвижимостью. Всякий раз, когда я вспоминала об этой его слабости, удушье на некоторое время ослабляло свою хватку.

Приступы прекратились, однако, как только все заботы по взаимодействию с адвокатом и регистрации права собственности завершились, удушье вернулось.

«Таким образом, каждое утро без страха обошлось тебе в полмиллиона, – резюмирует Туре. – Или, если посмотреть на это иначе, за каждое совокупление с Бьёрном ты заплатила

двести тысяч».

Я не отвечаю, и Туре продолжает:

«Это бездонный колодец, который невозможно наполнить, что бы ты ни делала и сколько бы ни отдавала. Когда ты наконец усвоишь это? Ты родилась с гипертрофированным чувством долга, и оно будет преследовать тебя до смертного одра. Тебе пора научиться жить с ним и при этом не совершать столько немыслимых поступков. Ты должна смириться с ним так же, как люди смиряются с горем. Шаг за шагом».

Я по-прежнему не отвечаю, и Туре пытается зайти с другого фланга:

«Поверить не могу, что ты добровольно отдала дом. Глупее ничего нельзя было придумать. Ты потеряла свой единственный козырь в переговорах».

Мне не нужен никакой козырь в переговорах. И я не хочу быть частью того мира, где используют подобные термины. Или рассуждают о восстановлении брака.

В последнее время приступы удушья стали случаться и посреди дня. Тогда я нагибаюсь вперед, кладу руки на колени и стараюсь наполнить легкие воздухом. Утешает то, что существует предел, до которого тело способно выносить подобные выходки, и на этот раз все проходит.

«Нужно собрать волю в кулак и выстоять», – говорю я, глядя в зеркало, ведь я знаю, что мозг можно запрограммировать. Мысли, чувства и любая мозговая активность способны со временем сформировать новые шаблоны. Это рабо-

тает в обе стороны. Депрессия порой подкрадывается незаметно. Поначалу может показаться соблазнительным поддаться ей, однако стоит новому состоянию укорениться, как избавиться от него будет гораздо сложнее – сложнее, чем было бы отразить первый удар. Так я говорю своим пациентам.

Успокойтесь, получайте удовольствие от жизни, питайтесь разнообразно, больше двигайтесь. Я улыбаюсь сама себе так широко, что оголяются десны.

«Как ты думаешь, все будет в порядке?» – спрашиваю я Туре, но он не отвечает. Он просто ослабил свою надменную улыбку от уха до уха, и я вспоминаю слова одного университетского профессора: «Внутри мы улыбаемся постоянно».

Аксель слишком много ходил на лыжах – это я могла заявить со всей прямоотой. Но что, если никакого объяснения этому не существует, что, если не существует ни связного рассказа, ни героев, ни злодеев?

«Но вам ведь было довольно хорошо вместе, не правда ли?» – снова скрипит Туре.

Аксель способен пережить случившееся, мы способны пережить случившиеся. Многим парам удастся оправиться от измены и даже укрепить свои отношения.

«А помнишь то интервью с семейным психологом, которое ты читала сегодня? На вопрос, могла бы она порекомендовать измену в качестве лекарства от охлаждения в сексуальных отношениях между супругами, она ответила: “С этой

же вероятностью я могла бы порекомендовать онкологию». А ты сидишь здесь, широко расставив ноги, и ждешь, что химиотерапия подействует».

Аксель не знает, что я поселилась здесь, в кабинете. Я не лгала ему – просто скрыла часть информации, как поступала на протяжении всего года. Поэтому он уверен, что я живу в квартире своей матери на Оскарс-гате ⁶, что было бы вполне логичным, поскольку мать переехала в дом престарелых и квартира свободна.

Каждый вечер я собираюсь перебраться туда. В отличие от кабинета в клинике, жить в квартире на Оскарс-гате – законно. К тому же там есть целых две спальни с удобными кроватями. Но всякий раз я остаюсь здесь. Есть что-то притягательное во всем временном, а главное – запретном. Я испытываю почти детский страх, пытаюсь проскользнуть под датчиком движения, и иду на всевозможные хитрости, чтобы остаться незамеченной.

Толком выспаться ночью у меня не получается, зато, если выдается свободная минутка днем, я ложусь отдохнуть на медицинскую кушетку. Кладу ноги на опоры, которые используются во время гинекологического осмотра и, не обращая внимания на окружающий шум, засыпаю крепче, чем в любом другом месте, в любое другое время суток, так, что из уголка рта течет слюна.

⁶ Оскарс-гате (*норв.* Oscars gate) – улица в центре Осло неподалеку от Солли-пласс.

Так почему бы не укладываться на кушетку и ночью? Нет, это никуда не годится, ведь если сон на кушетке с поднятыми ногами превратится в новую программу действий, которые я обязана выполнять по инструкции, мне не удастся заснуть. «Нет, я не могу так лежать здесь, – думаю я, – в коридоре ждут пациенты, которые так напевают на дверь, что она прогибается внутрь, я должна обновить журнал посещений, я должна...» На этом я обычно засыпаю.

Мне уже за пятьдесят, но я снова веду себя как ребенок, как будто подросток во мне долго прятался, а теперь проснулся и проглотил взрослую часть меня одним глотком.

3

Я не помню, как легла на кушетку, но, должно быть, я выключилась на ней, поскольку проснулась от стука в дверь.

– Секундочку! – кричу я и молнией подлетаю к раковине, умываю лицо холодной водой и смотрю на часы: прошло всего десять минут, а значит, все идет по графику, и спустя мгновение напротив меня уже сидит мужчина с хвостиком.

– Чем я могу вам помочь? – спрашиваю я и улыбаюсь. Я где-то читала, что, если мужчина и женщина ведут себя абсолютно одинаково, женщина воспринимается более враждебно, поэтому, чтобы производить такое же ровное впечатление, как мужчина, женщина вынуждена больше кивать и улыбаться. С другой стороны, женщины живут дольше. К тому же мы не лысеем. Если бы женщины лысели в тридцатилетнем возрасте, как этот сидящий передо мной мужчина, ведь, судя по всему, именно поэтому он завязал волосы в хвостик, – вот то было бы веселье.

Хвостатый не улыбается мне в ответ.

– Мне нужно направление к психологу, – говорит он и таращит на меня свои круглые глаза из-за линз очков.

– Так. Прежде чем я смогу дать вам направление, вам нужно более подробно рассказать мне, почему вы считаете, что вам необходима помощь психолога.

Смотри на них, слушай их – этому я училась долго. Од-

нажды, много лет назад, я, по обыкновению, записывала на диктофон резюме прошедшей консультации. Я забыла выключить диктофон и невольно записала весь следующий прием. Когда я стала прослушивать пленку, то не сразу поняла, кому принадлежит визгливый голос. До того дня я пребывала в полной уверенности, что я умею слушать других, что я отношусь к числу трезвомыслящих врачей, вызывающих доверие. Моим идеалом был кондуктор в поезде норвежских железных дорог – предупредительный, но без преувеличенной дружелюбности. Теперь же я слышала себя со стороны: пронзительный, как у чайки, самодовольный голос. Звук его наполнял кабинет, я смеялась над собственными остротами, не давала пациенту и слова вставить, перебивала его на полуслове, и ему оставалось только сдаться.

Меня словно ударили молотком по голове. Какова же на самом деле эта пропасть между мной, какой я себя вижу, и мной, какой меня воспринимают другие?

С того дня я пыталась внимательно слушать пациентов, когда они говорили, и было удивительно и непривычно терпеливо ждать своей очереди сказать что-либо. Не прерывать их, не заканчивать за них предложения, а ждать, пока они полностью выскажутся. Поначалу от необходимости молчать у меня все зудело, сила воли и выдержка были на пределе, но в конце концов наступило облегчение, словно я выбралась из густого тумана.

Но Хвостатый не желает говорить.

– Потому что у меня депрессия.

Теперь я вспоминаю, что изначально он пытался заполнить направление, написав мне на электронную почту, поскольку, как и многие другие, он полагает, что терапевт – этой некий портал, ведущий к настоящим врачам, то есть узким специалистам, а направление, выдаваемое этим привратником или секретарем, – лишь формальность, которую вполне можно уладить по почте или эсэмэс. На самом деле это не так, поэтому я попросила его записаться на очный прием.

– Вы могли бы описать, как проявляется депрессия и что, на ваш взгляд, могло ее вызвать?

Кожа на его маленьких костяшках пальцев – бледная, поросшая черными волосками. Сам он худой, одежда поношенная, от него пахнет чем-то воскоподобным, возможно, невымытой головой, а также чем-то едким, рыбным. Сардинами? Мое обоняние настолько обострилось за последние годы, что я места себе не нахожу. Ох уж это тело, эта беспомощная оболочка, сидя в которой, мы пытаемся разглядеть окружающий мир. Тело – это наша клетка, которую мы периодически, ни с того ни с сего, начинаем трясти, вцепившись в прутья. И вот теперь ему, оказывается, требуется психолог. Мантра нашего времени: «Иди лечиться, иди к психологу». Но почему бы для начала просто не начать мыть голову почаще и чистить зубы после сардин? Тут я замечаю еще один вид запаха (люди что, совсем мыться перестали?), который

что-то мне напоминает, и я тут же понимаю что: такой запах появляется, когда Аксель забывает достать спортивную форму из стиральной машины. Смесь запаха плесени и гниения.

«Такой запах *появлялся*, когда Аксель *забывал* достать форму, – комментирует Туре. – Ты ведь больше не живешь в Гренде вместе с Акселем – ты живешь здесь».

Но мы по-прежнему в браке. Формально мы даже не живем раздельно. Никакие бумаги еще не подписаны.

«Конечно, нет. Разве что акт о передаче недвижимого имущества».

– Это еще зачем? Разве вы не можете просто выписать мне направление?

Хвостатый – учитель. Адвокаты, врачи и учителя – самая непростая категория пациентов. Учителя вечно пытаются взять вожжи в свои руки, что осложняет консультацию. Еще они любят дерзить. «Если мне будет позволено высказаться», – говорят они. «Смотрите на меня, когда я с вами разговариваю», – заявила на прошлой неделе одна учительница, годящаяся мне в дочери. С адвокатами непросто работать, потому что они разбираются во всех тонкостях закона, с врачами – потому что им прекрасно известно, как мало может сделать врач и как мало он на самом деле знает. К счастью, большинство врачей никогда к своим коллегам не обращаются. Как, например, я.

– Боюсь, что не могу. Я просто обязана оценить ваше состояние, прежде чем смогу направить вас к другому специа-

листу. Сначала нужно разобраться в самых базовых вещах. Вы хорошо спите ночью? Как у вас с аппетитом? Вы регулярно моетесь?

Хвостатый закатывает глаза.

Куда подевалось почтение, с которым люди раньше относились к врачам? О, как мне его не хватает. Как я ненавижу наше время, поместившее в центр всего – индивида и потребителя, в каждое звено общества – качество и сервис. О, как я ненавижу этих сытых и избалованных мелких потребителей, которые сидят напротив, протягивают свои ожиревшие конечности и требуют от государства все новых благ. Как меня бесит, что каждый из них имеет право выбрать себе врача, больницу, план лечения, все к этому давно привыкли, но беда в том, что наш мозг не приспособлен к принятию подобных решений. Я ненавижу Интернет, эсэмэс и электронную почту, всю эту чертовщину, и, о, как я ненавижу людей, которые думают, что все знают, их раздутую самоуверенность. Закон Янте ⁷, говорите вы? Но беда в том, что его-то как раз и не хватает.

– Чтобы я могла направить вас к психологу, я должна знать причину, по которой вам требуется психологическая консультация. Я должна внести в вашу медкарту как само

⁷ Закон Янте (*норв.* Janteloven) – устойчивое выражение для объяснения скандинавского склада ума. Имеется в виду сформулированный датско-норвежским писателем Акселем Сандемусе в романе «Беглец пересекает свой след» (издан в 1933 году) свод правил, согласно которому общество не признает права своих членов на индивидуальность.

направление, так и основание для него. Именно поэтому я прошу вас рассказать немного о себе и проблеме, в связи с которой вам нужна помощь.

Хвостатый вздыхает, выпрямляется и начинает перебирать пальцами.

– Я плохо сплю, я не люблю свою работу, я одинок, у меня нет друзей, мне никто не нравится, я не могу заставить себя заниматься спортом, поскольку бегать по кварталу как идиот – ниже уровня моего достоинства, женщины на меня не смотрят, по крайней мере те, которых я бы выбрал сам. Я ненавижу учеников и всех соседей. Ненавижу собак, которые гадят на тротуаре. Их хозяев, которым невдомек, что псов нужно держать на поводке.

– Ясно. Значит, вы одиноки?

– Да. Женщины нынче совсем избаловались. У них наготове список требований, и если ты не попадаешь хотя бы под один из пунктов, то все – до свидания.

Он говорит, впившись в меня взглядом. Его выпученные глаза неустанно вращаются за линзами очков и в итоге останавливаются на моей груди. Он тарашится на меня так, будто это я вынуждаю его смотреть на меня. Словно происходящее, как и все остальное в его жизни, находится вне его власти. Мир ему задолжал, и он никак не может получить то, что ему причитается. Он – воплощение духа времени: каждый должен взыскать свой долг, каждый заслуживает сочувствия.

Хвостатый рассказывает моей груди, что он знакомится в

Тиндере с одной женщиной за другой, но ни с одной ничего не выходит.

– Как вы думаете, в чем причина? – спрашиваю я и пытаюсь подавить в себе внезапное желание задрать халат, майку и бюстгальтер, потрогать себя за соски и одновременно облизать губы.

«Давай, сделай это», – подстрекает Туре.

Вместо этого я крепко берусь за край стола и слушаю рассказ Хвостатого о том, какими капризными нынче стали женщины, что им не следовало бы упускать такой замечательный шанс. Но, разумеется, речь не идет о старых, уродливых и толстых. Оказывается, с женским вниманием у этого парня проблем нет, например, его хочет одна коллега, но проблема в том, что он не хочет ее, ведь у него, Хвостатого, есть свои предпочтения, а вот молодым, стройным и красивым женщинам не мешало бы при выборе мужчины больше думать о генетике и интеллекте, а не о таких поверхностных качествах, как внешность, привлекательность или, скажем, профессия. Я слушаю его гнусавый, надменный голос, слушаю, как он растягивает слова, и представляю себе, как он выходит вечером в город, такой высокомерный, самодовольный, занудливый и вонючий, и пытаюсь понять, почему привлекательность, харизма и удача, как, впрочем, и нездоровье и страдания, столь неравномерно распределены среди людей. В числе моих пациентов есть семьи, на чью долю выпадает масса мучений – онкология, одиночество, пси-

хические расстройства, автомобильные аварии, наркотическая зависимость, самоубийство и генетические отклонения; а есть семьи, где кто-то иногда ломает руку или кого-то беспокоит легкая мигрень. Есть пациенты, которые мне симпатичны, а есть такие, как этот Хвостатый, – люди, не умеющие себя вести, царапающиеся о все проявления жизни.

Туре: «Этому типу не нужен никакой психолог. Что ему нужно, так это базовый курс хороших манер. А также тщательный душ, чистая одежда и нормальный уход за зубами. И, бога ради, остричь этот чертов хвост».

Зачастую самым нуждающимся достается меньше всего, отвечаю я Туре. Я заставляю себя вспомнить, что силы мои ограничены, что я не должна закипать из-за каждой мелочи, и пытаюсь внушить себе сострадание к этому человеку, чтобы продержаться до конца консультации, и я вновь повторяю про себя: *самым нуждающимся зачастую достается меньше всего*. Но на меня это не действует. Я по-прежнему ощущаю сильное желание вскочить на ноги, зареветь, опрокинуть стол, вышвырнуть этого типа из кабинета, послать его куда подальше.

Я пробую применить другую уловку: притворяюсь, будто у него рак. Метастазы в костях. Бедняга! Ведь он так молод! Мне пришла в голову эта идея, когда я читала один хвалебный некролог, ведь большинство некрологов именно такие: какими, оказывается, замечательными качествами обладали при жизни умершие, какое удивительное облегчение

сквозит меж строк, ведь все хвальбы произрастают именно из этого ликующего облегчения – облегчения от того, что этот человек бесповоротно сгинул и его больше никогда не будет среди нас. Смерть становится очищающим омовением, ведь смертельное заболевание заставляет нас увидеть в жизни главное. Так почему бы нам не применять эту хитрость, когда все живы-здоровы, а не только на пороге смерти или по факту утраты? Смерть окутана ореолом святости и возвышенности, словно черный лакированный гроб, обтянутый изнутри шелком. Похороны – мероприятие торжественное, а в такой момент никому не придет в голову думать о таких мелочах, как запах плесени и навязчивый взгляд.

После десятиминутной лекции о несправедливости существования в мире, который не оправдывает никаких надежд и не соответствует даже самым минимальным требованиям, я все-таки сдаю позиции и выписываю Хвостатому направление. Я протягиваю ему конверт, и Хвостатый, даже не глядя в мою сторону, выхватывает его у меня из рук, и я вдруг понимаю, что пациенты, которые мне неприятны, обычно получают то, за чем пришли, только потому, что я хочу поскорее от них избавиться.

4

Почему я здесь. Почему это снова происходит. Я осматриваю пожилого мужчину, который хочет получить новое водительское удостоверение. Я выписываю больничный старшекласнику. Я отмечаю необходимые показатели в направлении на анализ крови, вношу данные в медкарты, открываю дверь и одного за другим вызываю пациентов, но я не отвечаю ни на одно из сообщений, которые то и дело всплывают на экране.

Почему я раньше не догадалась, что это так просто: нужно лишь перестать отвечать. Никаких дискуссий, никаких последствий. Я храню молчание всего сутки, но чувство такое, будто я давным-давно свернула с шумной дороги и теперь шагаю в одиночестве по пока еще различимой лесной тропе.

Здесь, в тишине, и возникают вопросы.

Когда это все началось? Как я здесь оказалась? И, что важно, в какой момент я могла сделать иной выбор?

Женщина 1989 года рождения приходит на гинекологический осмотр. Она ведет себя вполне нормально. В большинстве своем люди вообще нормальные. Они стараются вести себя прилично. Не правда ли, Туре? Мы все стараемся изо всех сил.

«Конечно, ведь под солнцем теплее, чем в тени», – отве-

чает Туре и на какое-то время замолкает.

Вполне логично считать, что все началось в ту самую пятницу ровно год назад, хотя много указывает, что все началось гораздо раньше, и то, что было приведено в движение в тот вечер, – на самом деле лишь крошечный фрагмент обширной сети всевозможных нитей и пересечений. И тем не менее все началось вполне конкретно, в тот момент, когда я, лежа на диване, нажала на кнопку в мобильном телефоне, наивно полагая, что это всего-навсего обыкновенный день в обыкновенной жизни. Как врач общей практики с многолетним стажем, я могла бы и догадаться, что не существует никаких обыкновенных дней и обыкновенных жизней.

Господи, подумала я, когда увидела лицо Бьёрна на экране. Неужели он жив? Мы не общались почти тридцать лет. Под его фотографией была какая-то кнопка, и, держа телефон в одной руке и винный бокал в другой – я купила себе бокал размером с небольшой аквариум, чтобы лишний раз не врать пациентам, говоря им, что *бокал вина в день идет на пользу, ведь я тоже так делаю*, – я нажала на нее. Тогда я понятия не имела, что сама *отправляю этому человеку запрос* на добавление в друзья. Я так плохо ориентировалась в «Фейсбуке» и прочих социальных сетях, что пребывала в полной уверенности, будто это Бьёрн добавил меня в друзья. Только когда я получила уведомление «Бьёрн принял ваше приглашение», до меня дошло, что случилось, но было слишком поздно.

Затем появилась картинка, изображающая машущую руку, и сообщение: «Бьёрн только что помахал вам». Рука махала туда-сюда как настоящая, и, чтобы уgomонить ее, я нажала на кнопку «помахать в ответ».

«Так, значит, это ты первая вышла на связь, – говорит Туре. – Это ты заварила всю кашу?»

Туре делает вид, будто он впервые слышит об этом. В его голосе звучит наигранное удивление. Поначалу я пыталась убедить себя, что Туре – дружелюбный, заботливый персонаж, этакий старый и мудрый священник, но с каждым разом я убеждаюсь, что он вовсе не желает мне добра.

Но я не собиралась ничего начинать. Это просто недоразумение.

«Ты вполне могла бы его проигнорировать, – говорит Туре. Ты могла бы проигнорировать машущую руку».

Зачем? Я ведь сама его добавила в друзья, так что было бы странно не помахать в ответ.

«Ты могла бы притвориться, что ничего не смыслишь в социальных сетях, тем более что это правда. Но тебе было любопытно. В глубине души тебе хотелось знать, как дела у Бьёрна, чем он живет, к тому же его молниеносный ответ, будто все эти тридцать лет он только и ждал от тебя сигнала, заставил тебя вообразить, что у него в жизни какие-то проблемы. И тебе вздумалось проверить, угадала ты или нет. Вывод: тебя обуяло тщеславие, ведь ты решила убедиться в своей правоте».

Но не помахать в ответ было бы невежливым. Мы оба – взрослые люди, которые тридцать лет назад встречались на протяжении целого года, вот и все. Тех, кем мы были, давно не существовало, поскольку, помимо прочего, клетки любого тела полностью обновляются каждые семь лет. И откуда мне было знать, к чему это приведет? У любого из нас есть свое слабое место, своя мертвая зона, зона вне радаров. Зона, о которой мы даже не подозреваем, пока не ступим на ее территорию, а когда ступим, пути назад нет.

Туре не отвечает.

Разумеется, мне стоило проигнорировать Бьёрна с самого начала, проигнорировать все сообщения и машущие руки, но это все равно что, попав в аварию по вине пьяного водителя и оставшись калекой на всю жизнь, говорить: «Если бы только я остался дома в тот день». Если так рассуждать, то лучше вообще не вставать с постели, опустить шторы, выдернуть все электроприборы из розеток и не открывать, когда звонят в дверь.

Туре по-прежнему не отвечает. Да ему и нечего утруждать себя, ведь он знает, что уже сейчас, когда я сижу с медицинским зеркалом в одной руке и с тампоном в другой, когда мое лицо находится в тридцати сантиметрах от влагилица женщины 1989 года рождения, а мой мозг судорожно ищет какие-то оправдания, когда мой пульс зашкаливает и мне явно нездоровится, в этот самый момент его цель уже достигнута.

Я нажала на кнопку «помахать в ответ», и через две се-

кунды пришло сообщение от Бьёрна:

привет

Даже точку не поставил. Я взглянула на это коротенькое слово и почувствовала, будто у меня на плече вдруг почему-то оказалась тяжелая лапа.

Думаю, никто случайно таких бессмысленных сообщений не посылает. Они хотят показать, что они небрежно набрали сообщение, поскольку у них есть дела поважнее. Вот ведь как бывает: мы притворяемся, будто нам важно то, что на самом деле нам безразлично, и делаем вид, что нам безразлично то, что нам на самом деле важно.

Ну уж нет, Бьёрн, так дело не пойдет, подумала я и тут же написала в ответ:

Вот это да! Бьёрн, привет! Ты по-прежнему живешь во Фредрикстаде?

Полноценные предложения. С заглавными и строчными буквами, с запятой, восклицательным и вопросительным знаками. Вот как это делается.

Я отключила звук, отложила телефон на журнальный стол и тут же пожалела о содеянном. Зачем я вообще все это написала? Я спросила себя, откуда у меня это извечное ощущение того, что я в минусе? Не только в том, что касается денег, пациентов, Акселя, дочерей, но и во всей моей социальной бухгалтерии. Именно это ощущение только что заставило меня ответить на вялое и безразличное сообщение, ответить слишком многословно и с чрезмерным энтузиазмом.

Следовало бы отправить в ответ столь же равнодушное *привет*. Но вместо этого мои пальцы сами собой застучали по клавиатуре.

Я сделала несколько больших глотков вина. Да кому какое дело до этих соцсетей, это же просто детский сад какой-то. Я вдруг вспомнила, как в начальных классах мы вели дневники и обменивались записками на уроках. Зарегистрироваться на «Фейсбуке» меня убедили дочери, но мне было не по себе от всех этих фотографий давнишних знакомых, которые, казалось бы, давно должны быть на том свете, ведь о людях из своего прошлого легче всего думать именно так. Поскольку последний раз ты их видел несколько десятилетий назад, невозможно представить, что они, так же как ты сам, живут своей жизнью в этом же городе. Когда некоторые особенно бестактные пациенты стали писать мне по поводу рецептов на лекарства и спрашивать совета, я и вовсе забросила соцсети. «Фейсбук» и «Инстаграм» находились за пределами моего горизонта; то был искусственный, неинтересный, заикленный на себе мир.

Между пациентами я замечаю, что от Бьёрна пришло несколько сообщений. Я читаю только последнее. *Если ты не прочтешь это до половины двенадцатого, лучше не отвечай*. Вот он сидит в своем Фредрикстаде, на своей работе в сфере информационных технологий, и потеет, глядя на экран и гадая, почему я не отвечаю. Ведь до сих пор я всегда отвечала. Может, он думает, что я умерла.

Скоро он пойдет на обед с Линдой, по пятницам они всегда обедают вместе. Наверное, именно поэтому он не хочет, чтобы я отвечала после половины двенадцатого, поскольку, что касается социальных сетей, Линда – как это ни странно, ведь Бьёрн работает в сфере IT – гораздо более сведущая, и он не хочет, чтобы от меня приходили сообщения, когда они обедают, сидя друг напротив друга в его или ее столовой.

Вечером, как обычно по пятницам, у него по плану внуки, и сейчас мне не верится, что когда-то его жизнь могла меня чем-то заинтересовать. Я чувствую, что эта ненасытная жажда информации, жажда вопросов, ответов, криков и шума наконец оставляет меня. Прежде чем вызвать следующего пациента, женщину 1999 года рождения, чтобы не потерять почву под ногами, я все-таки читаю последнее сообщение от Бьёрна.

Я беспокоюсь. Поддай хоть какой-нибудь знак, чтобы я знал, что ты в порядке.

Но ничего не в порядке. Жизнь давно не в порядке. Одни его формулировки чего стоят. Кто этот человек, ради которого я разрушила свою жизнь, который так извращенно выражает свои мысли? В одном из американских сериалов, которыми я когда-то увлекалась, герои без конца спрашивали друг друга: Are you ok? ⁸ Женщина стоит на пепелище своего дома, окруженная трупами родных, а кто-то ее спрашивает: Are you ok?

⁸ Ты в порядке? (англ.)

На такие вопросы не существует ответов. И я не отвечаю.

5

В ту пятницу, год назад, в нашем доме в Гренде оставались только мы с Акселем. Никаких детей и собак. Девочки разъехались по университетам изучать медицину: двумя годами раньше Ида перебралась в Тромсё, а еще за два года до нее Силье переехала в Берген.

Примерно тогда же, когда Ида покинула родительский дом, стало окончательно понятно, что моя мать представляет серьезную угрозу для себя и для окружающих. Ее перевезли в дом престарелых. Мне больше не нужно было ежедневно после работы заходить в квартиру на улице Оскарс-гате, чтобы убедиться, что мать не блуждает по подъезду в ночной сорочке или что она не забыла выключить плиту. Мне оставалось только навещать ее в доме престарелых по субботам, что я и делала – в основном для успокоения совести, поскольку мать редко узнавала меня и, стоило мне уйти, тут же забывала обо мне.

Другими словами, ничто не мешало нам с Акселем предаваться своим увлечениям: я пила вино и смотрела сериалы, а он бегал в лесу на лыжах или без них, в зависимости от сезона.

Если мы случайно оказывались дома одновременно, то подолгу разговаривали, обсуждали пациентов, коллег, дочерей. Мы много смеялись, и случалось, что я лежала на дива-

не, положив голову на его плечо, а иногда он обнимал меня во сне. Однако мы оба в той или иной степени стали импотентами. Секс постепенно превратился в тяжелую работу, и, хотя мы могли запросто поддержать себя эстрогеном, «Виагрой» или чем-то подобным, гораздо проще оказалось просто ложиться спать, без всяких обиняков. Мы договорились об этом, решив, что обсуждать тут особо нечего. Но ведь нам было лишь немного за пятьдесят. Акселя в любой момент могла сцапать какая-нибудь коллега из государственной больницы, где он работал. Я не раз слышала подобные истории о сотрудниках разных больниц и поликлиник Осло и даже других городов, поскольку сплетни во врачебном мире вмиг разносятся по всей стране, и я поняла, что должна взять себя в руки, должна начать делать то, к чему регулярно призывала своих пациентов – заниматься силовыми тренировками, сбалансированно питаться, принимать эстроген и так далее. И явно нужно было завязывать с алкоголем, ведь в последнее время ситуация вышла из-под контроля.

Я начинала каждый новый день исполненная решимости. Я собиралась сделать одно, другое, третье, но главное – перестать пить или, по крайней мере, пить меньше. Но к концу рабочего дня голова разрывалась от вопросов пациентов и моих собственных ответов, а затем – от аргументов в пользу или против того, что я им наговорила. Выключить этот невыносимый шум могло только одно – вино и сериалы. Я перестала следить за новостями и читать книги. В какой-то

момент я прекратила всю социальную активность, за исключением отдельных вечеров с Гру – на ее кухне или на моей.

После восьми-, а то и десятичасового рабочего дня действительно расслабиться мне позволяло только шабли, самое дорогое из того, что продается в картонных пакетах в местном винном магазине. По-настоящему я желала только одного – улечься на диване и с полуоткрытым ртом смотреть один за другим эпизод очередного сериала.

Многие серии казались мне знакомыми, и нередко меня посещало слабое, но абсолютно отчетливое чувство, что мне известно, что будет дальше. Я заранее знала, что скажут героини. И я воображала, что я настолько проницательна, что могу запросто раскусить замысел сценариста, – ровно до тех пор, пока вдруг не осознавала, что уже видела этот эпизод от начала до конца, хотя и с таким высоким содержанием алкоголя в крови, что приходилось щуриться, чтобы не двоилось в глазах.

Как-то раз я сказала Акселю:

– Я собираюсь бросить пить.

– Ты это уже говорила, – заметил он.

– Но на этот раз я действительно брошу.

– И это ты тоже говорила.

– Не смейся.

– Я не смеюсь.

– Ты выглядишь так, будто вот-вот засмеешься.

– Но ты все это говорила уже тысячу раз. К тому же ты не

так много пьешь.

Продержаться мне удавалось максимум три дня. На четвертый вечер я снова оказывалась на диване, а на журнальном столе стоял бокал-аквариум, половину которого я, судя по всему, выпила в полусне – так почему бы теперь не допить его до конца? И все начиналось снова.

В основе любой зависимости лежит одна и та же механика, это мне было хорошо известно. Все мы, в том числе медработники – точнее, в особенности медработники, – склонны к лени и отговоркам, все мы жаждем отдыха, вознаграждения, острых ощущений и удовольствий. Я пыталась вколотить в себя эти слова – *лень, удовольствие, страх боли*, – но ничего не вышло. В конце рабочего дня, проводив последнего пациента и выполнив необходимую бумажную работу, я вдруг понимала, что ноги сами несут меня в винный магазин. И всякий раз, оказавшись у прилавка, я поражалась тому, что любой человек, не боясь полиции и ареста, вот так запросто, без рецепта, может зайти в учреждение, управляемое государством, и приобрести опасное для здоровья и вызывающее зависимость опьяняющее вещество, при этом его обслужат привлекательные и образованные люди, которые вместе со стройными рядами красивых бутылок образуют ту часть мира алкоголизма, в которой так приятно находиться и которая в той же мере благословлена властями, как Стортинг⁹, королевская семья и государственное телевидение.

⁹ Стортинг (норв. Stortinget) – однопалатный парламент Норвегии.

Я всегда выбирала самый дорогой картонный пакет, с выдвинутым бронзовой фольгой названием производителя и изящным акварельным изображением замка под ним. Одна только упаковка была столь аппетитной, что, неся ее к кассе, я не могла не думать о том, как окружающий мир потворствует нашим зависимостям, будь то зависимость от еды, алкоголя, Интернета, азартных игр или денег: повсюду нас поджидает целая орда профессионалов, чья работа состоит в том, чтобы погонять нас, подталкивать все дальше, а если мы вдруг вздумаем остановиться, подбадривать и поддерживать, лишь бы мы не бросали пить, ведь *бокал вина – это так приятно, вино украсит ваш ужин, позвольте себе насладиться игрой, шопингом, ведь нам дана только одна жизнь, важно периодически отключаться, в этом нет ничего страшного.*

Вернувшись с работы, я наполняла свой первый бокал, даже не переодевшись. Второй бокал я выпивала за ужином перед телевизором (в четырех случаях из пяти мой ужин состоял из хлебцев с сыром и огурцом), а когда ужин был съеден, я наливала первый официальный бокал, поскольку к этому моменту на кухне обычно появлялся Аксель, садился рядом и принимался за овсянку. «Разве этот бокал не для красного вина?» – спрашивал он и кивал в сторону аквариума, который я, чтобы не облиться, подносила ко рту обеими руками.

Остаток вечера, пока Аксель переодевался в спортивную форму и собирался на пробежку, мазал лыжи или ремонти-

ровал роликовые лыжи в своем чулане, ездил по магазинам за новым лыжным оборудованием, чтобы не упустить скидки, искал в Интернете какие-то лыжные палки, изготовленные по абсолютно новой, прорывной технологии, или же занимался чем-то другим, но в любом случае связанным с лыжами или бегом, – все это время я лежала на диване и пялилась в скопление мерцающих и двигающихся точек на экране.

Аксель был помешан на лыжах и, как ортопед, прекрасно понимал, что явно себя перегружает, поэтому он спокойно позволял мне пить дальше. Конечно, он мог открыть холодильник, достать пакет с вином, демонстративно потрясти его и спросить: «Разве ты не вчера его купила?», но делал он это по большей части шутки ради. Аксель понимал, что, если он начнет упрекать меня в алкоголизме, у меня будет полное право поднять вопрос о его лыжной мании, которая гораздо заметнее сказывалась как на семейном бюджете, так и на нашей совместной жизни. Я-то, по крайней мере, была дома, хоть и пьяная, а мое вино не стоило и десятой части его снаряжения и поездок.

В подвале Аксель устроил полноценную мастерскую, и если он не спал, не был на работе и не бегал по лесу, то найти его можно было именно там. Аксель мог часами стоять у станка, занимаясь своими лыжами под музыку «Металлики», и, если мне было от него что-нибудь нужно, я должна была спуститься в подвал, встать напротив него и жестами

попросить его снять наушники. Зачастую мне было просто лень, поэтому мы так и существовали каждый в своем углу, поддерживая своего рода равновесие сил утрашения: я ни слова не скажу о твоей одержимости, если ты будешь молчать о моей.

В зимний сезон он уезжал на лыжные соревнования минимум раз в месяц. В начале декабря сезон открывался лыжным забегом в Альпах, название которого мне никогда не удавалось запомнить. В конце января проходил лыжный марафон «Марчалонга»¹⁰, а в марте Акселью приходилось выбирать между гонками «Васалоппет»¹¹ и «Биркебейнерреннет»¹², поскольку у нас было что-то вроде уговора о максимум одной поездке в месяц. Если Аксель брался убеждать меня, что должен поехать на обе гонки в марте, поскольку в феврале никуда не ездил, я отвечала ему формулировкой, с помощью которой даю отпор пациентам, которые считают, что могут заполучить направление на дорогостоящее обследование, поскольку они давно не были у меня на приеме: *ока-*

¹⁰ «Марчалонга» (*ит.* Marcialonga) – знаменитая лыжная гонка, которая с 1971 года проводится в итальянском регионе Трентино в последнее воскресенье января. Дистанция 70 км.

¹¹ «Васалоппет» (*швед.* Vasaloppet) – массовая лыжная марафонская гонка, которая с 1922 года проводится в Швеции в первое воскресенье марта. Дистанция 90 км.

¹² «Биркебейнерреннет» (*норв.* Birkebeinerrennet) – массовая лыжная гонка, которая с 1932 года проводится близ норвежского города Лиллехаммера. Дистанция – 54 км.

зание услуг не основано на системе квот.

В конце апреля Аксель ездил на лыжный марафон на Шпицбергене, а в начале мая – на очередную гонку в Исландии, если только за прошедший сезон он не зарабатывал себе боль в спине, растяжение ахиллова сухожилия или травму какого-нибудь сустава; если это случалось, он начинал лечить себя, а если не мог, на помощь всегда приходили коллеги.

Мне надоело его сдерживать. В конце концов, он был взрослым человеком, и в последние годы я стала думать: да почему бы просто не разрешить ему поехать на обе гонки в один месяц, почему бы не отпустить его на «Васалоппет», «Биркебейнерреннет», в Альпы и в Россию, почему бы просто не дать ему заниматься этим сколько угодно, *раз только об этом он и мечтает?*

Аксель и его лыжная мания напоминали мне о собаке, английском сеттере, которая когда-то у нас жила: все ее существование крутилось вокруг одной-единственной потребности – поглощать все, что попадалось на пути. С утра до вечера она повсюду вынюхивал еду. Несколько раз я всерьез собиралась купить пятьдесят килограммов мясного фарша и оставить в открытом доступе: пускай обожрется и сдохнет. Почему бы и нет, раз она мечтает об этом больше всего на свете?

Мне надоело без конца сдерживать Акселя, как в свое время надоело сдерживать собаку. Всякий раз, когда я ее вы-

гуливала, она непременно тащила меня на другую сторону улицы, когда же мы переходили, ей тут же нужно было обратно. Туда-сюда, туда-сюда. Тяжело сопя, дрожа от напряжения, с высунутым наружу розовым языком, она что было мочи тянула поводок, и точно так же, как я подумывала позволить ей обожраться до смерти, я подумывала спустить ее с поводка, когда она начнет рваться на дорогу, прямо под колеса машинам. Бах!

Бывало, Аксель подсаживался ко мне, когда я лежала перед телевизором, и весь диван начинал трястись от его напряжения. Тогда я говорила ему: «Сходи пробегись». Аксель делал вид, будто ничего не происходит, однако дрожь давала о себе знать. Он сдерживал себя еще какое-то время, а потом откашливался и отвечал: «Хм, не думал об этом, но, пожалуй, стоит и пробежаться». Мгновение спустя он закрывал за собой дверь.

Я позволяла ему заниматься своим делом, он мне – своим. *У каждого свои причуды*, как сказала бы мать, которая все время говорила присказками. *Никто не совершенен*. «Мы всего лишь люди», – добавила я от себя и чокнулась бокалом с экраном. После долгого дня в обществе пациентов у меня устали челюсти, устал мозг, устала душа, внутри что-то царапало и зудело, будто меня населяли бесчисленные сущности, каждая со своим нравом и волей, и всю меня заполняли гул их голосов. И тем не менее я отчетливо ощущала сквозняк, гуляющий между электронами моего тела.

Мне нравилось смотреть телевизор и при этом не выбирать ни фильм, ни конкретную серию. Мне нравилось курсировать между диваном и холодильником и раз за разом наполнять мой аквариум, не боясь быть увиденной, не боясь комментариев со стороны. Мне с лихвой хватало собственных комментариев. Я пугала себя алкогольной деменцией. Циррозом печени. Никакого толку. Тогда я представляла себе своих пациентов, которые, я знала, злоупотребляли алкоголем – их одутловатые лица, повышенное давление, повышенный холестерин, диабет, дисфункция печени, – но и это на меня не действовало. Я окинула взглядом свое тело: немного плотновата в районе талии, но ноги по-прежнему стройные. Я взглянула в зеркало в коридоре при входе на кухню: все еще красива, по крайней мере для своего возраста. Я наполнила аквариум и осторожно донесла его обратно до дивана. *Мне просто нужно легкое обезболивающее. Весь день я слушала людей и держала себя в руках. Теперь моя очередь расслабиться.*

Так я и лежала в полудреме в ту судьбоносную пятницу год назад, укрывшись электрическим одеялом, с диванной подушкой под ногами, как обычно, пьяная – вдвойне пьяная, поскольку была пятница, и думать забыла о Бьёрне. Я смотрела сериал, который посоветовали девочки: действие происходит в 1945 году, женщина проходит сквозь камень и переносится на двести лет назад. В 1743 году она встречает шотландского дворянина, ну а дальше, разумеется, секс,

насилие, любовь, пытки, война, новые путешествия во времени. Сначала мне показалось, что сюжет смехотворный, но уже полсерии спустя я смотрела взахлеб.

Телефон пролежал на журнальном столе пару добрых часов, прежде чем я вспомнила о нем. В то время мобильник был для меня более-менее отвлекающим элементом, но очень скоро мне предстояло уподобиться всем тем, кто ходит по улицам и магазинам, держа перед собой эту дурацкую штукюину. Уж не говоря о пациентах, которые сидят на скамье ожидания, опустив плечи, жадно сторбившись над своими развлекательными устройствами. Порой они настолько поглощены экраном, что даже не реагируют, когда я выкрикиваю их фамилию. В скором времени мне было суждено стать такой же, как они, – зависимой, связанной воедино, словно то была моя рука или нога, с телефоном – телефоном, подаренным Акселем на Рождество, в замысловатых функциях которого я еще недавно ничего не смыслила и с которым девочки мне помогали всякий раз, когда приезжали домой. Но в тот момент я не подозревала, что все так повернется. Ведь в моей прошлой жизни, когда я лежала на диване, я была абсолютно чиста и невинна. Я не знала, что проживаю свой непорочный период, точно так же, как люди Античности не знали, что они живут в эпоху Античности.

Только когда я поднялась наверх, чтобы улечься в кровать, я заметила, что от Бьёрна пришло новое сообщение. На этот раз с заглавными буквами и знаками препинания.

Я очень рад тебя слышать, Элин! Я по-прежнему живу во Фредрикстаде, но часто бываю в Осло и с удовольствием выпил бы с тобой кофе, если у тебя есть время и желание. Вспомнить былое...

Сообщение пришло несколько часов назад. Кофе, ага, как бы не так, подумала я, направляясь в ванную. Вспомнить былое. Я не собиралась пить с Бьёрном никакой кофе. Что из этого могло выйти. И почему именно сейчас. Что за суета из-за того, что я всего лишь нажала на какую-то кнопку в этом тупом телефоне. Я всегда недолюбливала телефон, а теперь и вовсе ненавижу его. Он виноват во всем, что произошло. Он прикидывается даром современности и прогресса, но на самом деле он – от лукавого. Сатана вселился в эту штуковину и то и дело соблазняет нас зелеными и красными точками, которые внушают нам, будто наше существование и мнение имеют какое-то значение, но на самом деле неизбежно ведут нас к грехопадению и гибели. Но мы слепы и не видим этого. Мы порабощены, но не знаем этого. Нас поработил сам Сатана.

«Да ладно тебе, – вступает Туре, – тебя поработил вовсе не Сатана. И даже не телефон. Тебя захватили собственная похоть, собственная алчность, вожделение и страсть, и больше ничего. Вечно тебе чего-то не хватает. Несколько лет назад, когда девочки постепенно становились самостоятельными, ты затеяла ремонт. Вы расширили подвал, вы надстроили чердак, вы вмиг расплатились с новыми кредитами, а ко-

гда все дела были переделаны, ты принялась за выпивку и сериалы. И, как ни крути, ты вовсе не начала с одного бокала сухого белого вина за просмотром одной или максимум двух серий – нет, ты сразу начала поглощать вино целыми пакетами, а сериалы – сезонами. И делала ты это на полном серьезе, с той же трудовой дисциплиной, которую усвоила еще в детстве и которую возвращала в себе на работе и во время ремонта».

Я разговариваю сама с собой и с Туре, закипаю все больше и одновременно произношу слова, которые произносила уже столько раз, что знаю их наизусть. Например, что мужчине 1987 года рождения, жалующемуся на боли в спине, не нужно МРТ. Это первое, чего он потребовал, едва переступив порог кабинета. И немудрено, ведь нынче все хотят пройти МРТ – магнитно-резонансную терапию, то есть современное радиологическое исследование внутренних органов и тканей. До этого в моде был диабет, и все бежали мерить уровень сахара в крови. Наш медицинский центр превратился в подобие клуба по интересам, где собираются любители прислушиваться к сигналам своего тела, ведь это так современно, однако любой медицинский работник знает, что это увлечение – прямой путь к помешательству и страданиям и в конечном счете к коллапсу государственной системы здравоохранения.

Нет. Вам, мужчина 1987 года рождения, нужно не МРТ, а перестать сидеть по восемь часов в день, а остаток дня

проводить дома на диване или за компьютерными играми. Вместо всего это вам, мужчина 1987 года рождения, следует много ходить по пересеченной местности.

– Но мне кажется, что у меня пролапс, – говорит мужчина 1987 года рождения. – К тому же компьютерные игры позволяют мне расслабиться. Я читал в газете, что на самом деле компьютерные игры не так вредны, как принято думать, там было написано, что...

И так далее, и тому подобное.

Последнее, о чем он попросил, словно ребенок, выклянчивающий конфету, – «хотя бы» МРТ колена. Я ощупала его колено и сказала, хорошо, но после рентгена на базе клиники. Я направляю его на рентген, продолжая параллельно препираться со стоящим в углу Туре.

«Может, и так, – отвечаю я, – зато я хотя бы перестала пить».

«У тебя это получилось лишь потому, что ты нашла себе новое увлечение. Ты с легкостью променяла вино на Бьёрна».

«Человеку удастся противостоять своим страстям, только если эти страсти недостаточно сильны, – отвечаю я. – Если же страсти оказываются всесильными, у человека просто не остается выбора».

«Это чистой воды уход от ответственности, – громко отвечает Туре обвинительным тоном. Меня удивляет его формулировка и тон: это на него не похоже. Но тут до меня доходит,

что произнес это вовсе не Туре. Эта фраза – обрывок воспоминаний о нашем первом годе в Гренде. В какой-то момент я сказала, что сомневаюсь, голосовать ли мне «за» и «против» вхождения Норвегии в Евросоюз, и кто-то из соседей на это сказал: «Это чистой воды уход от ответственности».

Уход от ответственности, беспринципность, нормативный, конвенциональный этноцентризм, культурный релятивизм – Туре вряд ли мог бы вернуть какой-нибудь из этих терминов, тогда как в Гренде мы то и дело кидались друг в друга подобными словечками. Я тоже активно в этом участвовала, ведь в Гренде, по крайней мере раньше, полагалось иметь четкую позицию по любому вопросу, важному и не очень. Будь то плюсы и минусы тканевых и бумажных подгузников, за или против ЕС, ситуация на Ближнем Востоке, защита окружающей среды – год за годом мы сидели и кудахтали, словно наседки в курятнике, убивая время.

Сегодня все прекрасно знают, где находится Гренда и что за люди живут там. Однако в начале 90-х Гренда была всего лишь безымянной тупиковой дорогой на северо-западе Осло, вдоль которой выстроились в ряд сорок домиков, построенных после войны для нуждающегося населения. Благодаря низким ценам на недвижимость, а также тому факту, что прежнее население начало постепенно вымирать, всего за несколько лет Гренду заселило новое поколение семей с маленькими детьми, среди которых оказались и мы. Через дорогу стоял ряд огромных вилл, построенных купцами-опто-

виками в конце позапрошлого столетия. Хозяева этих вилл, вместе с их парадными подъездами с подогреваемой плиткой, иностранными помощницами и нянями, автомобилями и гаражами, жили просто на другой планете. Мы были бедные, они – богатые. Никому из жителей Гренды не пришло бы в голову возить детей на своих огромных машинах в школу и бессовестно парковаться прямо у входа, как это делали домохозяйки из вилл. Мы, жители Гренды, возили детей в велосипедных тележках, а в теплое время года то и дело устраивали спонтанные вечеринки на свежем воздухе. Пока дети бегали по садам, заросшим одуванчиком и мхом, мы пили пиво и вино, сидя вокруг мангалов, которые мы собственноручно сделали из старых жестянок, найденных на какой-то стройке. Но несмотря на запущенность наших садов, на то, что мы покупали одежду в секонд-хендах, а мебель находили на блошиных рынках или вовсе в мусорных контейнерах, несмотря на расслабленное отношение к порядку и уборке и на то, что «мещанский» и «приличный» были самыми ходовыми словами в нашем лексиконе – несмотря на все это, жили мы в типично мещанской среде, где ничего так не ценилось, как приличия. В Гренде, как, впрочем, и среди купеческих вилл через дорогу, существовал длинный список того, что допустимо, а что нет, но, невзирая на это, постоянно говорилось, что Гренда свободна от правил и условностей. Все были равны, и, что немаловажно, между полами было установлено полное равноправие, однако в Гренде

– как в любом месте, где собирается больше двух людей, – к одним прислушивались больше, чем к другим, кому-то давалось слово без необходимости бороться за право высказаться, тогда как других просто-напросто игнорировали. Здесь правила та же самая иерархия, что и в любом другом месте, разве что она успешно маскировалась под нищенку в лохмотьях.

Мне всегда нравилось поддерживать вокруг себя чистоту и порядок. У меня все стояло на своих местах даже в кладовке в подвале, а когда девочки были маленькие, я убирала их комнаты, когда они засыпали. Я сортировала по цвету крошечные пластиковые туфли кукол Барби, аккуратно складывала одежду, выбрасывала сломанные игрушки и расставляла книжки по размеру. Но когда в гости приходили соседи, я разбрасывала одежду по гостиной, ведь в Гренде полагалось быть толерантным, снисходительным, спонтанным и гибким. В Гренде ценилось расслабленное отношение ко всему, кроме самого правила о расслабленности – его следовало соблюдать неукоснительно. На практике это означало, что, если какие-то подростки на полную катушку включали техно на одной из веранд, на это можно было лишь пожать плечами. Так же следовало реагировать, когда цыганский табор останавливался в роще неподалеку – это происходило каждое лето, – и ветер приносил в сады Гренды использованную туалетную бумагу. Иной раз я могла собрать целый мешок бумаги только в нашем саду.

– Многим нелегко смириться с нарушением их личных границ, – заметил один сосед на очередном спонтанном сборище в саду. Известный комментатор в уважаемой газете, позже он подробно описал этот эпизод в статье о ксенофобии. – Но нам не следует забывать, что это – совсем иная культура, с отличными от наших взглядами на гигиену. Для них это разумный и совершенно адекватный способ существования. Безусловно, некоторым из нас непросто относиться к этому с пониманием, но нужно лишь оторвать взгляд от земли. И никто еще не умер от кусочка туалетной бумаги.

– По крайней мере, они пользуются туалетной бумагой, – сказал Аксель. – Это вселяет надежду.

Следом за мужчиной 1987 года рождения в кабинет заходит женщина 1998 года рождения. Она жалуется на мигрень, приступы страха и общее беспокойство. Мы мерим давление – оно как у космонавта, – я встаю, чтобы ощупать ее шею и плечи – девяносто пять процентов случаев головной боли связаны с напряжением в шее, – и невзначай спрашиваю ее о планах на лето.

Я напоминаю себе о необходимости поддерживать светский разговор, особенно после того, как я вопреки рассудку решила почитать в Интернете отзывы пациентов о себе как о специалисте, и негативные отзывы, которых, к счастью, довольно мало, засели занозой в моем сознании: *Я чувство-*

вал, что безразличен врачу. Врачу не было до меня дела. Я вышел из кабинета с неприятным осадком. Врач была явно в стрессовом состоянии. Врач была невежлива. У врача тряслись руки, когда она мерила мне давление. Врач торопилась. Врач, не отрываясь, смотрела в монитор. Когда ты пережил травму, то хочешь быть выслушанным, без морализаторства и пренебрежения.

– Я поеду во Францию с мамой и папой, – отвечает женщина 1998 года рождения. У нее дрожат губы, и вот она уже плачет.

Я жду, пока всхлипывание немного утихнет.

– Вас что-то беспокоит? Во Франции что-то произошло?

Вдруг она стала жертвой инцеста, вдруг у нее суицидальные наклонности, заранее о таком никогда не знаешь, а потом бывает слишком поздно, и никто не хочет оказаться тем врачом, который выкинул жертву инцеста или самоубийцу из кабинета только потому, что у него было мало времени.

– Но мы всегда ездим в эту квартиру в Ницце! Год за годом, понимаете? Почему мы не можем поехать в Таиланд или на Бали, ведь они могут себе это позволить, так почему мы должны каждое чертово лето ездить в этот сраный французский городишко, полный сраных пенсионеров?

Лучше бы я работала в клинике где-нибудь на востоке Осло. Там мне хотя бы не пришлось слушать подобных разговоров.

«На востоке у тебя были бы другие сложности», – замеча-

ет Туре.

На ресницах у нее блестят слезы, губы припухли, и это ей к лицу, ведь, когда молодые плачут, они становятся лишь прекраснее. Когда я изредка плачу, то выгляжу так, словно кто-то помыл моим лицом шершавый бетонный пол. Я смотрю на нее и думаю: как же вам везет, что вы такие молодые и красивые. Иначе мы бы отвезли вас к ветеринару и усыпили.

– К тому же мы там были на Пасху! На Пасху я бы лучше поехала покататься на лыжах в Хемседале ¹³, ведь именно этим следует заниматься на весенних каникулах, но нет – снова во Францию. Лучше я удавлюсь, чем еще раз окажусь на борту самолета до Ниццы вместе со всеми этими старперами! Я больше не могу!

Она снова начинает всхлипывать, а я сижу в кресле, смотрю на нее и осознаю, что боль, которую она сейчас ощущает, для нее совершенно реальна. Она вовсе не притворяется и не пытается себе ничего внушить. Самые настоящие слезы струятся по пухлым румяным щечкам, и если бы было возможным измерить эту абсолютно субъективную боль, переживаемую этой молодой женщиной, то она бы многократно превзошла реакцию онкологической больной, которая только что узнала, что ей осталось жить всего пять месяцев.

– Вы обсуждали это с родителями?

– Да, но они только говорят, что мне необязательно ехать,

¹³ Хемседал (*норв.* Hemsedal) – горнолыжный курорт и деревня на юго-западе Норвегии.

что я могу...

Снова всхлипывания. Я молчу и просто смотрю на нее взглядом, который, надеюсь, может быть воспринят как нейтральный.

– Они го-о-ворят, что я мо-о-гу остаться дома. И что они по-по-едут без меня.

Между словами она хватает ртом воздух, словно маленький ребенок во время рыданий.

– Мне страшно. Я по-очти не сплю. С тех пор, как я окончила школу, я как минимум дважды просыпалась посреди ночи и не могла уснуть.

Опять всхлипывания.

Наконец она успокаивается, я советую ей не брать мобильный телефон с собой в спальню, спать в темноте и прохладе, не пить кофе после трех часов дня, побольше гулять в светлое время суток, заниматься спортом и тому подобное. Вдобавок я рекомендую ей записаться к окулисту и проверить зрение.

Она уходит. Я сижу и смотрю в окно.

«Но она – не типичный случай, – раздаётся из угла. – Твоим дочерям бы никогда не пришло в голову вести себя так. К тому же у тебя по-прежнему есть твой кабинет, твоя форма, все это, и тебе здесь хорошо. Тебе здесь нравится. Тебе здесь комфортно. А вот все остальное для тебя было тяжело».

Если бы я не знала Туре так хорошо, то подумала бы, что он пытается меня утешить. Но единственное, что нужно Ту-

ре, – это чтобы я была в форме и полной боеготовности; он начинает нервничать, если видит, что я готова опустить руки. Так же как кошке неинтересно играть с мышкой, которая не двигается и не сопротивляется, Туре скучно стоять в углу и разговаривать с самим собой.

«Например, в Гренде зачастую было непросто, – замечает Туре. – Не забывай об этом».

Возможно, однако, хотя раньше я не могла понять, как оказалась здесь, а теперь не понимаю, как могла так долго терпеть жизнь там, меня никогда не тянуло никуда так сильно, как в Гренду. Всякий раз, подходя к дому, я говорила себе: «Как же мне повезло, что я живу именно здесь!» В Гренде все были молоды и здоровы, ни у кого не было проблем с законом и наркотиками, никто не бил своих детей. Все работали, все были экспертами в своей области или же вот-вот должны были ими стать. Когда мы только заселились, большинство соседей находились в начале своего профессионального пути, но спустя каких-нибудь десять лет Гренда кишела известными журналистами, писателями, редакторами, политиками и профессорами – людьми, имевшими вес в Стортинге, издательствах, газетах, на радио и телевидении. Если один из наших продуваемых сквозняками домиков вдруг выставлялся на продажу, цена за квадратный метр, по крайней мере начиная с 2000-х, была настолько высокой – иной раз выше, чем в виллах через дорогу, – что об этом писали в газетах.

Тем не менее продолжало бытовать мнение, что Гренда – малообеспеченный анклав посреди богатого, снобистского района, что Гренда – свободное от предрассудков место. Если кому-то по ошибке клали в почтовый ящик газету христианско-консервативного толка, он мог спокойно взять ее с собой на очередную спонтанную вечеринку, начать зачитывать вслух любую страницу и гарантированно вызвать дружный смех среди собравшихся за столом. Если же кто-то осмеливался выразить скептическое отношение к гомосексуалистам, иммигрантам, трансвеститам и прочим меньшинствам – неважно, касалось ли это всей группы или отдельных ее представителей, – то это было равносильно социальному самоубийству. Единственной разрешенной в Гренде мишенью для критики оставались гетеросексуальные этнические норвежцы, проживающие в большом городе. Иными словами, мы сами. При этом среди жителей Гренды не было ни иммигрантов, ни геев.

На одной из последних садовых вечеринок – это случилось много лет назад, так как со временем социальная жизнь Гренды сошла на нет, – известный газетный обозреватель объявил, что ему нравится бывать внутри Центрального вокзала Осло.

– Обожаю бродить по вокзалу и напиваться энергией, – сказал он, и все наострили уши, ведь этот человек считался своего рода хёвдингом Гренды, хотя никто, тем более он сам, ни за что бы не произнес это вслух. Всякий раз, когда в

прессе обсуждался очередной острый вопрос и нужно было определиться, как же полагается относиться к проблеме истинному жителю Гренды, все ждали, пока выскажется этот человек, а уже потом занимали ту или иную сторону. Зачастую он придерживался вполне очевидных взглядов, однако иногда мог выразить и неожиданную позицию, из-за чего его все опасались. Его боялись и потому, что он использовал цитаты с вечеринок в Гренде в своих газетных колонках, в качестве доказательства предрассудков, скрытого расизма и общего безрассудства. Даже в свободной Гренде нельзя было полностью себя обезопасить – особенно когда в деле оказывался замешан алкоголь.

– А знаете почему? – спросил он, сверкая глазами.

Когда никто не отозвался, он наклонился над столом и прокричал:

– Многообразие! Там, внизу, потрясающее многообразие! Я никак не могу им насытиться!

И все усердно закивали: слово *многообразие* было в Гренде в особом почете, тогда как слово *белый* произносить было зазорно, ведь на протяжении многих лет население Гренды оставалось исключительно «белым». Единственными ненорвежцами, которые смогли себе позволить купить жилье в Гренде, была пара индийцев, работавших в сфере информационных технологий. Они продержались всего полгода, пока не переехали в район Холменколлосен, видимо недоумевая, почему в таком дорогом месте, как Гренда, такие запущен-

ные сады и неухоженные люди. Дом индийской пары при-мыкал к нашему, и когда они съехали, дом купила пара ге-ев среднего возраста, которых, равно как и индийцев, при-вечали подчеркнуто тепло и звали на все садовые вечерин-ки и ужины. Первым делом геи посадили живую изгородь между нашими садиками. Если бы это сделал кто-то другой, начался бы переполох, поскольку одним из многочисленных неписанных законов Гренды была свобода перемещения, ко-торая ни в коем случае не могла быть ограничена подобны-ми жалкими обозначениями границ. Один из геев часто ра-ботал в саду и как-то раз попросил нас почаще стричь у себя траву и полоть, иначе сорняки переползают от нас к ним, а потом добавил, что мох, заполонивший наш газон, довольно опасен. В другой раз он посоветовал нам на зиму накрывать садовую мебель брезентом. Оказалось, что обстановка в их доме была старомодной, мебель – тяжелой и слишком боль-шой для столь маленьких комнат и низких потолков. На свое первое – и последнее – Рождество в Гренде, они пригласи-ли всех соседей на глинтвейн с пирогом. Жители Гренды со своими длинноволосыми и шумными детьми ворвались в их ухоженный дом, который выглядел так, словно в нем прожи-вали две почтенные пожилые дамы: на столе, покрытом кру-жевной скатертью, лежали расшитые вручную салфетки, се-ребряная лопатка для торта и абсолютно целый чайный сер-виз. Когда один из гостей попытался откупорить принесен-ную с собой бутылку пива серебряным ножом, один из хозя-

ев, тот, что ухаживал за садом, кинулся к гостю с открывашкой в руках. На обоих хозяевах были костюмные брюки, белые рубашки и галстуки с рождественским узором. На партнере того, который работал в саду, поверх брюк был повязан фартук; он испек целых семь сортов печенья, о чем поспешил поведать гостям. Хозяин в фартуке разглагольствовал о рецептах и ингредиентах, все его внимательно слушали, а тем временем гадали, будет ли что-то поинтереснее, ведь все ожидали чего-то более экзотичного, раз они – геи. Однако самым вызывающим жестом за вечер стал просмотр старой, 60-х годов, черно-белой передачи с телеканала NRK, некогда записанной Фартуком на видеокассету: пожилая женщина с химической завивкой, одетая в бюнад¹⁴, зажигает свечи и рассказывает об Иисусе и Марии, о царе Ироде и о том, почему мы празднуем Рождество.

– Ах! Астрид Соммер! – воскликнул хозяин Фартук. – Никто не способен создать рождественское настроение так, как она. Я обожаю эту передачу.

Он промокнул глаза краем фартука и прильнул к Садовнику.

Я взглянула на остальных гостей, постоянных жителей Гренды, которые, как и мы сами, жили здесь все эти годы. Среди них была семейная пара – профессор и главный ре-

¹⁴ Бюнад (*норв. bunad*) – национальный норвежский костюм. Чаще всего бюнад надевают в День конституции (17 мая) и сочельник, а также на семейные праздники (свадьба, крестины, конфирмация).

дактор, – которая на предновогоднем родительском собрании в ходе обсуждения музыкального репертуара праздника спросила, не может ли исполнение песен со словами «Бог», «Иисус» и «рай» быть расценено как пропаганда христианства и не было ли это запрещено учебным планом. Эти двое стояли, уставившись в экран телевизора, на котором одетый в национальный костюм человек из 60-х говорил в по-старомодному медленном темпе об Иисусе, Марии и Ироде. Но поскольку все это было организовано парой гомосексуалистов, они ничего не могли поделать или сказать.

Потихоньку гости стали украдкой поглядывать вокруг себя, словно пытаясь отыскать скрытые камеры, на случай если это было своего рода проверкой, и мы оказались невольными участниками социального эксперимента, целью которого было уличить нас в расизме и прочих предрассудках, показать, насколько мы ведомы; и тогда мы, жители Гренды, сделали бы все возможное, чтобы перехитрить зачинщиков этого эксперимента, поскольку считали себя выше этих категорий, как, впрочем, и всех категорий вообще.

– Пользуясь случаем, – вступил Садовник, когда телепередача закончилась, – я бы хотел предложить нам всем привести в порядок свои сады. Мы живем в живописном квартале, и мне жаль, что у нас все так запущено, тогда как сады через дорогу ухожены. Как насчет того, чтобы совместно заказать мусорный контейнер после Пасхи? И, возможно, имеет смысл обсудить, не избавиться ли нам от некоторых

деревьев. Наши сады явно заросли, деревья создают слишком много тени.

Все смотрели на Садовника, никто не осмеливался посмотреть друг на друга. В воздухе повисли его слова: *живописный квартал и нужно избавиться от деревьев*. В Гренде существовало еще одно правило – не рубить деревьев, в частности, потому, что хозяева вилл через дорогу умудрились вырубить у себя почти все. Тем не менее все промолчали. Как молчали каждый раз, когда индийцы возили своих детей в школу, расположенную в трехстах метрах от дома, на машине и парковались прямо у входа. Раз в полгода мы получали электронные письма от директора и родительского комитета, призывающие не парковаться у школы, и все же ни у кого не поворачивался язык сделать индийцам замечание, равно как никто из нас не стал обсуждать тот факт, что на дверце холодильника у геев висел магнит «Голосуй за правых».

Весной Садовник заказал мусорный контейнер, и, хотя расходы за контейнер поделили на всех, все соседи игнорировали эту затею. Геи съехали в конце лета.

Когда мы были молоды, мы верили, что двадцать лет спустя – то есть сегодня – мы будем по-прежнему собираться вокруг самодельных мангалов, седые, постаревшие, но, словно герои рекламы, нацеленной на активных пенсионеров, загорелые и подтянутые, и все будет так же очаровательно неопрятным, все будет идти в том же темпе и направлении.

Тогда мы не знали, что такого не бывает: никто не способен избежать непрерывного изменения, составляющего основу самой жизни, в том числе нашей собственной. Спонтанным садовым вечеринкам и какой бы то ни было общности в Гренде давно пришел конец. Теперь сады в Гренде так же ухожены, как на той стороне дороги, а самодельные мангалы уступили место большим блестящим газовым грилям. Во всех домах Гренды расширены подвалы и надстроены чердаки, а пока они строились, повзрослевшие дети один за другим разъехались, и теперь Гренда состоит так или иначе из опустевших дворцов. Старая садовая мебель давно свезена на помойку, на ее месте красуются добротные плетеные гарнитуры, которыми, впрочем, никто не пользуется. На мраморных кухонных столешницах стоит дорогая техника вместо плакатов, приколотых канцелярскими кнопками, на стенах развешано оригинальное искусство в рамах. И хотя большинство браков в Гренде сохранились, а в виллах – распались, хотя дети Гренды образумились и учатся в солидных университетах, тогда как многие дети, выросшие на виллах, до сих пор не могут покинуть родительское гнездо, – несмотря на это, до сих пор бытует мнение, что виллы – оплот буржуазии, а Гренда – форпост оппозиции и мятежников.

6

На часах десять, до обеденного перерыва еще два часа. На прием приходит женщина 1965 года рождения, которая хочет удалить родинку. Я рада возможности выйти из кабинета, оказаться в другом месте, поработать скальпелем, наложить шов. Я проверяю, свободна ли операционная, и зову пациентку с собой. Пока она раздевается, а я достаю необходимые инструменты, я пытаюсь вспомнить, о чем же думала в субботнее утро год назад, на следующий день после того, как добавила Бьёрна в друзья на «Фейсбуке». В одном я уверена: о Бьёрне я не думала точно. Скорее всего, опять зарекалась пить и, разумеется, *на этот раз на полном серьезе*. Потом, как обычно по субботам, я убирала дом.

Я делаю женщине местную анестезию и в этот момент меня осеняет, что в тот субботний день я была так довольна проделанной уборкой, что позволила себе выпить единственный бокал за ужином, и все началось по новой, а в воскресенье утром, чтобы избавиться от тревоги с похмелья, я пошла прогуляться по лесу. Время от времени я пыталась ходить на пробежки вместе с Акселем, но моя физическая подготовка в тот момент в подметки ему не годилась, поэтому толку от моих попыток было мало. Акселя хватало на то, чтобы поддерживать мой темп первые несколько минут, а потом он в два прыжка исчезал в зарослях вереска.

С прогулки я вернулась румяная, бодрая и полная сил, и решила, что один-единственный бокал за ужином не повредит, ведь завтра понедельник, а по понедельникам я не пью. А дальше все по кругу: грех – наказание, грех – наказание, одно неизменно следовало за другим, и так дни напролет. Всякий раз, когда я снова оказывалась в этом абсолютно прогнозируемом сценарии, с неизбежными взлетами и падениями, мне казалось, что все это происходит впервые.

В тот далекий субботний вечер, как и положено, дом сиял и благоухал свежестью, корзина для грязного белья была пуста, чистая одежда разложена по шкафам, обувь аккуратно расставлена в коридоре, унитаз и раковины сверкали белизной, зеркала натерты до блеска, а я стояла у кухонного стола и наполняла свой заслуженный бокал. Пока я пила вино, между делом взяла телефон, чтобы проверить, не писали ли девочки, и тут увидела сообщение от Бьёрна.

Нам вовсе необязательно встречаться. Это было просто наваждение. Не буду больше тебе надоедать:-)

Сообщение было отправлено после полуночи. Вино уже давало о себе знать, к тому же я была довольна собой и проделанной работой по дому и поэтому ответила:

Привет, Бьёрн! Рада тебя слышать. Буду рада выпить кофе сегодня:-)

К тому моменту я уже пребывала в гораздо более общительном и человеколюбивом состоянии, чем пару часов назад. Порой кажется, что в разное время суток в каждом из

нас пробуждаются абсолютно разные личности, которые начинают бороться друг с другом за время. Так, моя модификация «суббота после уборки» взяла верх над версией «пятничный вечер». Каждая буква моего сообщения свидетельствовала о том, что я в очередной раз умудрилась во что-то впутаться. Тем не менее в тот момент все представлялось нормальным и предельно логичным: рад тебя слышать, да, очень приятно, давай выпьем кофе и вспомним былое, да, почему бы и нет. Несколько сообщений спустя мы договорились встретиться сразу после работы в понедельник, у Бьёрна в этот день как раз была назначена встреча в Осло. Что сделано, то сделано, подумала я.

«А тебе не кажется, что писать *не буду больше тебе надо-едасть*, при всей притворной застенчивости, – очень агрессивный ход? – спрашивает Туре, стоило мне войти в кабинет. – И что значит фраза *необязательно встречаться*? Уж если на то пошло, тебе было вовсе *необязательно* отвечать на это».

Жду встречи! – написал Бьёрн.

И я! – ответила я.

Я написала это вовсе не потому, что правда ждала встречи, ведь я уже раскаивалась. В глубине души свербело: после работы ты слишком устаешь, чтобы с кем-то встречаться, тебе не удастся отключиться и выбросить из головы весь вздор, который ты слышишь от пациентов в течение дня. Но, как обычно, пальцы сами застучали по экрану, ведь мне не

терпелось поскорее выпутаться из этой затянувшейся переписки, всё, хватит, оставь меня в покое.

«Господи», – фыркает Туре.

«Но что же мне было отвечать? Раз все с первого же раза зашло так далеко?»

Сколько я себя помню, всю свою жизнь я руководствовалась чувством, будто я задолжала миру – внимание, деньги или вещи, – что существует некий бухгалтерский учет, согласно которому я всегда в минусе.

Раньше, когда я еще вела достаточно активную социальную жизнь, я то и дело воображала, что мне давно пора с кем-то связаться, а когда включала телефон, вдруг обнаруживала, что последней писала как раз я, и, мало того, второй человек, даже не удосужился ответить на мое последнее сообщение. Оказывается, то, в чем я себя винила – подвела, проигнорировала, – на самом деле проделали со мной. Помни об этом, говорила я себе, но вскоре снова воображала, что мне нужно увидеться и с тем, и с другим, хотя у меня не было ни малейшего желания встречаться ни с кем из них. Вообще говоря, мне хотелось только одного – как можно скорее прекратить все контакты, все встречи, всю СМС-переписку.

Тот, с кем я общалась, мог легко принять это за энтузиазм, поскольку нежелание поддерживать отношения я компенсировала наигранным рвением, которое произрастало из этой самой неохоты, из стремления побыстрее удрать, отделаться от всего, и поэтому я продолжала ввязываться в пла-

ны и договоренности, лишь бы поскорее положить общению конец. Разумеется, это позволяло лишь ненадолго оттянуть мучения, ведь в скором времени планы предстояло либо реализовать, либо отменить, причем оба исхода были одинаково утомительны.

Как только я написала Бьёрну, что тоже жду встречи, с пробежки вернулся Аксель. Он вошел в кухню и стал наполнять водой свою литровую флягу, из которой всегда пил, чтобы следить за объемом потребленной жидкости.

– Угадай, с кем я встречаюсь в понедельник? – спросила я.

Аксель, глотая воду, покачал головой. Его кадык так резко и отчетливо двигался под тонкой кожей, что мне захотелось отвести глаза.

– Я встречаюсь с Бьёрном.

Аксель оторвался от фляги.

– С каким еще Бьёрном?

– С Бьёрном, с которым я встречалась до тебя.

Аксель поставил пустую флягу на стол и обтер рот тыльной стороной ладони.

– А, с ним. С этим психом. И с чего бы вдруг?

– Вчера он добавил меня в друзья на Facebook, и мы договорились встретиться выпить кофе. Это, конечно, полное безумие. Я не видела его почти тридцать лет.

– Да уж, – ответил Аксель, который прекрасно знал о моих неврозах, о том, что всякий раз я встречалась с людьми в надежде, что, стоит мне только сделать *то-то* и *то-то*, сра-

зу все закончится и мне не придется больше видаться с ними. Он знал, что для меня общение с людьми было повинностью, работой, с которой нужно расквитаться, прежде чем я смогу заняться тем, чем действительно хочу. То есть улечься на диван, и смотреть телевизор, и пить белое вино.

Аксель улыбнулся, покачал головой и пошел в душ. Ему бы никогда не пришло в голову согласиться пить кофе с бывшей подругой из прошлой жизни.

Аксель никогда не ревновал меня к Бьёрну. Аксель вообще никогда не ревновал. К тому же повода у него никогда и не было. А вот Бьёрн был тот еще ревнивец.

– Кто он такой? – спросил Бьёрн в тот единственный раз, когда я рискнула взять его с собой на вечеринку студентов-медиков. Он сразу же обратил внимание на Акселя. Точнее, он обратил внимание на мое поведение в присутствии последнего.

– В смысле? – ответила я. – Это Аксель, мы вместе учимся.

– Со мной ты так себя не ведешь, – сказал Бьёрн, а я в очередной раз притворилась, будто не понимаю, о чем он. Я назвала его истериком и ревнивцем, но Бьёрн словно в воду глядел: уже через пару недель он устроил мне грандиозный скандал в квартире на Оскарс-гате, и в результате я ушла от него к Акселю.

– Со мной ты так себя не ведешь! – кричал он снова и сно-

ва. – Никогда не видел, чтобы ты так лыбилась и лебезила, как перед ним! Со мной ты такой не бываешь!

Отношения с Акселем были похожи на глоток свежего воздуха, словно до этого меня долго держали в душной влажной комнате. Аксель не ревновал, не использовал иностранных слов, значения которых не понимал или не знал, как произнести. Он любил бегать и кататься на велосипеде – в те времена это нравилось и мне, – мы оба учились на врачей, у нас был общий круг друзей.

– Рыбак рыбака видит издалека, – сказала мать. Еще она говорила, что вовсе необязательно ходить в школу – можно просто заучивать наизусть пословицы и поговорки. Она верила, что все поговорки – чистая правда, а если кто-то с этим не согласен, то только потому, что он слишком молод. Запас поговорок – единственное, что не пострадало от ее деменции, и когда она произносит очередную из них, случается, что она точно попадает в тему разговора, и создается впечатление, что это проблеск интеллекта, который сохранился где-то в тайниках ее черепной коробки. Когда я поведала ей, что переехала в клинику и что мы с Акселем, вероятно, разведемся, она просто-напросто выдала:

– Счастье не палка, в руки не возьмешь.

Три дня спустя после того, как я добавила Бьёрна в друзья на «Фейсбуке», я шла вдоль улицы Фрогнервейен¹⁵. Был

¹⁵ Фрогнервейен (*норв.* Frognerveien) – улица в центральном Осло, которая берет свое начало на площади Солли-пласс.

понедельник, первый теплый день мая, в теле ощущалась тяжесть похмелья, ведь в воскресенье я, как обычно, много пила вечером. Но сегодня я не собиралась пить: кофе с Бьёрном и сразу домой, смотреть шотландский сериал про путешествие во времени.

В течение рабочего дня, пока я принимала нескончаемый поток пациентов, я почти не замечала похмелья, но теперь меня мучили головная боль, дрожь в теле, беспокойство, *когда это закончится, наконец. И зачем только назначать какие-то встречи, с кем-то общаться?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.